

ПРИЛОЖЕНИЕ.

О собирании русских народных сказок.

Из отчетов об этнологических наблюдениях по Северу России за последние годы.

Необычайный под'ем интереса к русской народной сказке, возникший так быстро в связи с увлечением рассказыванием вообще и захвативший весьма широкие круги населения СССР, в самое последнее время заметно пошел на убыль, и народная сказка, еще недавно так ярко, тепло и приветливо прозвучавшая и на школьной кафедре, и в собраниях научных и литературных кругов, и на театральных подмостках, как будто стала затихать и даже замирать. Не говорит ли последнее обстоятельство за то, что время народной сказки уже проходит, что интересы ею изжиты, и что сказка обречена на забытие? На этот вопрос, к счастью, можно смело давать отрицательный ответ. Основательность последнего может быть подтверждена, с одной стороны, возрождением или возникновением новых организаций для изучения народной сказки, а с другой—наблюдениями над проявлениями народной жизни, в обиход которой до самого последнего времени входит и народная сказка.

В числе других наблюдателей народной жизни, с давних пор интересующая народной русской сказкой, я и в самые последние годы имел возможность не только убедиться в существовании „сказочного“ интереса в народе, но и частично заняться собиранием и записыванием сказочного материала.

Район моих наблюдений захватывал целый ряд уголков наших северных губерний, начиная с Архангельской, Олонецкой, продолжая Северо-Двинской и Вологодской и кончая Тверской и Псковской. При моих ежегодных научных командировках я близко соприкасался с народной, главным образом, крестьянской средой и, в числе других вопросов, касающихся духовного и культурного быта этой среды всегда интересовался и народной сказкой. Кой-какие сказочные связи и знакомства сохранились у меня еще с довоенного времени, когда при поддержке Географического Общества и Академии Наук, было сделано

мною несколько поездок для собирания фольклористических материалов, в том числе преимущественно сказочного. Наибольшее количество собранных мною сказок приходилось на Тотемский, Вельский и Кадниковский уезды Вологодской губернии.

Работая в составе Этнологической Экспедиции А. И. М. К. в 1922 году, я имел случай ознакомиться с состоянием сказочного творчества в Краснохолмском, отчасти в Весьегонском уезде Тверской (тогда Рыбинской) губернии и записал до 60 народных сказок разного содержания. В 1924 году на мою долю выпала возможность, при поддержке той же Э. Э., снова побывать в Тотемском уезде и здесь частью возобновить прежние мои сказочные знакомства, частью завести совершенно новые, и собрать в общем значительный материал по народной сказке, заключающий в себе до 120 образцов различных сказок и вариантов.

Какого же рода сказочный материал, от кого, при каких условиях и каким образом мною собирался? Ведь, давно уже существует такое мнение, что народ перестал интересоваться сказкой, и сказочное творчество уже отошло в область прошлого. Ученые этнографы, любители, собиратели и все, кто интересуется народной жизнью и творчеством уже давным давно, отмечая быстрые смены, происходящие в народном быту и влекущие за собой смену нравов и обычаев, вкусов и духовных интересов, с тревогою указывали на быстрое вымирание старых форм народного творчества, в т. ч. и старинной народной сказки. А в последнее время раздаются даже такие голоса, что теперь все народное творчество выражается лишь в одной частушке; старые же формы песенного и сказочного творчества отошли целиком в область прошлого. Однако, рядом с этим существует и другой взгляд, взгляд, так сказать, природных оптимистов, которые не прочь утверждать, что ничего не происходит такого, что бы угрожало бытованию народной сказки. Сказка живет, ею интересуются, любят рассказывать, и мы видим, что в разных местах удается сделать богатые сборы сказочного материала. С первого взгляда кажется, что та и другая сторона как будто бы одинаково правы, и только полная противоположность этих взглядов заставляет думать, что истину надо искать где то по средине, а действительное состояние сказочного и всякого другого творчества народного определяется лишь внимательным изучением его на местах, в самой гуще народной жизни.

Я не думаю, что мои многолетние, но все же отрывочные наблюдения в этом отношении смогут дать вполне верную и исчерпывающую оценку, более или менее ясную и полную картину состояния сказочного творчества в народе за последние годы, но полагая, что те факты, какие скопились у меня в результате этих наблюдений, все же в состоянии принести некоторую помощь в освещении этого вопроса, я и решаюсь поделиться ими в настоящей заметке, поскольку мне позволит это сделать и время и отведенное для нее место.

Прежде всего считаю необходимым сказать несколько слов о тех приемах и методах, какими я пользовался при собирании сказочного материала. Ведь, с заезжим, да еще из большого города и другой среды, человеком крестьянство отлично умеет говорить особым весьма дипломатичным языком, пытаюсь как можно больше выведать от него и как

можно меньше сказать о себе и особенно о том, чем будет он с особенной настойчивостью интересоваться. Не раз встречалось в моей практике, что люди заведомо „знающие“, слышущие за знатоков сказок, упорно раз на всегда отказывались что бы то ни было рассказывать, придумывая для этого самые разнообразные отговорки. Чтобы заставить разговориться, надо уметь подойти к рассказчику, расположить его в свою пользу и заручиться доверием к вам. Надо чтобы сказочник, или сказочница, хоть отчасти поняли какой-то разумный смысл в вашей работе, ради которого стоит тратить время на рассказывание, с одной стороны, и записывание—с другой. Приходится говорить о ценности народной сказки, часто веками сложившейся, со стороны ее пользы и доставляемого особенно в мрачные и тяжелые минуты жизни развлечения,—как для взрослых, так и для детей; о напечатании для последних (т. е. детей) сказок в качестве интересного и привлекающего к книге чтения; о необходимости сохранить раз навсегда хорошие, удачно сложенные сказки, ради чего они и должны быть записаны и напечатаны; и т. д. Задача подхода к сказочнику весьма упрощается, если вас уже знают в той местности, где вы намерены собирать сказки; наоборот, там, где вы являетесь совершенно новым человеком, вы должны уметь повести знакомства так, чтобы не возбудить и тени каких бы то ни было подозрений. „А на кой ему ляд сказки! выпытывает, верно, что нибудь“, буркнет какой нибудь скептик и остальная масса уже насторожилась и будет вас ошущивать со всех сторон—кто вы такой и что собственно вам нужно (каковы ваши намерения)? В этих случаях очень важно, чтобы вас поняли как делового человека, не напрасно, от нечего делать, захавшего слушать сказки. Мне лично очень помогало в этом смысле то обстоятельство, что я всегда почти, появившись в новой для меня местности, интересовался не только духовной культурой, в частности—народным творчеством, но и внешним бытом населения и природными особенностями края. При таких условиях легче всего было получить отзыв со стороны местных жителей и завязать общность некоторых интересов, после чего уже легче перейти и к другим. Чаще всего, не рискуя подойти непосредственно к сказочным знакомствам, познакомишься с местными людьми, пользующимися, по тем или другим причинам, почетом, уважением и вниманием. На первом месте среди такого рода „лучших“ людей я всегда ставил народных учителей, с которыми не только всегда можно легко сговориться, но и почти всегда получить от них те или другие полезные указания и советы и нередко даже существенную помощь в вашей работе. При помощи их легче всего и собрать справки и завести знакомства со сказочниками. А познакомившись с вашими приемами работ и требованиями, какие к ней предъявляются вами, они нередко соглашаются на свои услуги в этом деле и становятся весьма ценными, а иногда и прямо незаменимыми вашими сотрудниками.

Установив добрые отношения со сказочником, необходимо считаться с его занятостью, настроением и всякими другими обстоятельствами, которые могли бы мешать вашей работе, и попытаться их устранить; чем то надо компенсировать потерю сказочником его, всегда тем или другим занятого, особенно летом, времени. И в этом

отношении нужно не мало внимания и такта в отношении к сказочнику. Мне приходилось иногда помогать в полевых работах, иногда лечить, иногда написать письмо, иногда оказать всякие другие услуги, что-нибудь подарить, кого-нибудь сфотографировать или прямо оплатить затрачиваемое сказочником время.

В предварительной беседе стараешься ознакомиться с теми источниками, откуда почерпал свои сказки сказочник, с условиями и средой, в которых приходилось ему слушать и самому рассказывать, с репертуаром и содержанием его сказок. Когда содержание сказок оказывается не совсем таким, какое вас интересовало бы в первую очередь, вы рассказываете что-нибудь из желательного типа сказок или просто передаете содержание той или иной сказки и вызываете сказочника на соответствующие темы. Разумеется, всякий раз полезно было бы записывать полный репертуар особенно хороших сказочников, но далеко не всегда приходится это делать, чаще всего по недостатку времени для той или другой стороны; в силу чего и приходится выбирать то, что важнее записать в первую очередь.

Самый процесс записывания—вещь далеко не легкая и во всяком случае весьма утомительная для той и другой стороны. Если сказочник утомился раньше вашего, вы должны не только дать ему отдохнуть, но и развлечь и снова настроить на работу; но, если вы утомились, то это значительно хуже: это дурно действует на настроение сказочника; он незаметно начинает переходить к сокращенной передаче, часто пропуская некоторые подробности, и сказка получается не та, какой желательно было бы ее видеть. Вот в таком случае очень важно, чтобы в записывании не было перерывов, и, в случае утомления вашего, вас должен сменить ваш помощник; такое чередование не влияет на ход рассказа и весьма выгодно в том отношении, что вы, меньше отнимая времени у сказочника, больше успеваете записать, а самое важное—избежите лишних перерывов в рассказывании, после которых сказочник сбивается и с трудом настраивается на прежний лад. В случае записывания не одним лицом я пробовал применить способ буквальной передачи (повторения) слов сказочника (так как его самого такое повторение может сбивать) в том случае, когда записывающий, отвлеченный процессом записывания, не сразу вникнет или запомнит речь сказочника. Такие записи давали очень хорошие результаты, особенно, когда записывали двое, а третий в нужных случаях повторял (диктовал) речь сказочника: пропусков и переделок сказочником всего рассказа можно было избежать. Конечно, быть может, лучше всего пользоваться записями фонографа, но последнего мне ни разу не пришлось применять, за его недоступностью.

Разумеется, только что указываемые приемы и подход к записыванию сказок далеко не является единственным и, быть может, ни в какой мере не могут быть образцовыми; тем более, что, в зависимости от обстановки и других условий записывания, приходится прибегать к самым разнообразным приемам. Останавливаться на этом дальше, за недостатком места, я не смогу, а интересующиеся этим вопросом могут найти не мало соответствующих сведений в специальной литературе (Барсов, Григорьев, Шахматов, Зеленин, Ончуков, Познанский, Калининков и пр. и пр.).

Самым важным и ответственным моментом при собирании сказок является, конечно, вопрос: что следует записывать и, в соответствии с этим, от кого, от каких сказочников или рассказчиков записывать. По этому вопросу может быть такое же количество мнений, сколько существует этнографов—собирателей; но эти мнения так или иначе будут расходиться по двум разным направлениям: одно будет иметь в виду строго квалифицированный материал, а другое—произведения народного творчества всякого рода, лишь бы они были более или менее удачны, стройны и характерны для народного мировоззрения. За тем и другим есть свои преимущества, и я не намерен здесь входить в их рассмотрение и оценку; я скажу только о том, к чему я стремился и чего хотел достичь в поисках народной сказки на местах. Я скорее принадлежу к первой группе собирателей и целью собирания ставлю на первом месте задачу сохранения старинной традиционной сказки. Все, что создается сейчас, что будет твориться и впредь народной фантазией и находится в состоянии подвижного равновесия, оно может быть и характерно для данного момента народной жизни и ценно для определения ее состояния, но оно слишком велико, разнообразно и неустойчиво, а потому и слишком скользко для объективного изучения, представляя лишь богатый материал для субъективных выводов и взглядов фельетонного характера. С другой стороны, мы имеем прекрасные собрания и русских народных песен, и былин, и русских народных сказок, и мы хорошо знаем—как они составились, из каких материалов и где собранных; и мы ясно представляем, что все эти драгоценные, ничем не заменимые собрания, в силу разнообразных условий этого собирания, обширности территории нашей страны и так далее, не могли захватывать всего того материала, всех драгоценностей, таившихся в недрах народных; что эти сокровища еще и до сих пор не приведены к учету, и что можно думать, что в каких нибудь захолустных уголках они и теперь еще частично таятся в виде ценных, но еще не разрытых кладов. Отчего же в таком случае не попытаться их разыскать, не изъять их из скрытых и затаенных мест и не присоединить их к общенародной сокровищнице упомянутых богатств?

Руководствуясь убеждением в необходимости заняться поисками остатков произведений старого народного творчества, я всюду пытался прежде всего обратить внимание на бытование старинной народной сказки и с этой целью старался прежде всего разыскать старинных сказочников. В поисках подобного рода я не стремился, однако, непременно разыскать лишь такого рода сказки, которые до сих пор никем не записаны и совершенно неизвестны в сказочной литературе; я всякий раз был вполне удовлетворен, если тот или другой вариант даже самой общеизвестной старинной сказки был оригинален и вместе с тем по своим художественным достоинствам мало чем, или вовсе не уступал общеизвестному. Начинать записи с такого рода вариантов было полезно еще в том отношении, что на них легче было завязать правильные отношения с рассказчиком и установить его достоинства и недостатки, как сказочника. Очень часто поэтому я начинал мои „сказочные“ поиски с известной, быть может и не очень старинной, бытовой сказки „Лапоток“, или сказок: „Старик и

Волк,, „Дудочка“, „Репка“, „Теремок“ и т. п. Я напоминал содержание такой сказки или рассказывал отдельные места сказочнику и вызывал его на соответствующий рассказ. Быть может, отчасти по этой причине у меня оказалось для некоторых сказок значительное количество вариантов, видимо, создавшихся вполне независимо друг от друга. Я позволю себе привести выдержки из некоторых из них, и пусть судит читатель—стоит ли отдельно записывать такие варианты.

1. Сказка „Старик и Волк“, известная всем из детских хрестоматий, в которой говорится о том, как „проведал волк, что у старика скотинки много; пришел и говорит: „старик подавай старуху!“ в Кокшеньге, Тотемского уезда, записана в разных местах и в разных редакциях.

1-й вариант, записанный в д. Старый двор, Шебенгской волости:

Стоит избушечка
На крутом угóрышке.
В той избушечке—
Старичок-старушечка;
У старика да у старушечки
Паренечёк да дéвушка,
Петушок да курочка,
Петь (5) овечушок;
Парнечок в сапо́жках
Девушка в сережках.

Волки приходят и поют этот припев. Старик говорит: „Старуха, баско воученьки поют—выкинем петушка“ и т. д. Весь рассказ идет оригинально и кончается тем, что волки и старика с'едают, и „жительство нарушилось“.

2-й вар., записанный в Спасской волости в д. Якурино:

Красён-красён дворёц.
В том красном дворце
Живёт Строй-бабушка.
У Строй у бабушки
Сынóк и дочюшка,
Петушóк и кутюшка—
Под повить повешóны:
Корóва чёрная.
Свинья-та пёстрая,
Овца бесхвóстая.

Дальше говорится, что этот припев „хорошо поет медведущка“; и весь рассказ отличается от предыдущего.

3-й вариант, записанный в Минской волости в дер. Подгорной.

На горè на горушке
Живёт старик со старушкой.
Есь корóвушка—мыкушка

Ча́конька *)—блеюшка,
Чёшка-рёшка **),
Соба́чка—пустола́ечка,
Ко́шечка—судомбе́чка,
Петушо́к—певуно́к,
Кутюшка—говорушка.
и т. д.

4-й вариант, зап. в дер. Нижней, в 17 в. от гор. Тотьмы.

Стоит, стоит дворец—
Соло́менной крыле́ць.
Де́душко да ба́бушка,
Одна́ лоша́душка,
Одна́ овёченька,
Одна́ соба́ченька,
Одна́ и ко́шечка
и т. д.

5-й вариант, зап. в дер. Шупове, Спасской волости.

На горе́ на горушице
Стоит красна́ избушица
и т. д.

6-й вариант, зап. в Минской вол., в д. Подгорной, Тот. уезда.

Живёт старик на горушке
Со старушкой.
Живота́-скота́ дово́льно:
Ко́шечка с котёночком,
Курочка́ с циплёночком,
Сука со щенёночком
Овёчка́ с ёгнятком,
Коро́вка с теля́тком,
Кобы́ука с жере́бятком.
и т. д.

II. Лапоток (Лычко, Ключечка).

Эта сказка является, повидимому, одной из самых популярных, и различные варианты ее мне удалось записать в уездах Вытегорском, Тотемском, Вельском, Кадниковском и Краснохолмском. Героиня сказки старушка идет с лапотком (или лычком или ключечкой), напрашивается на ночлег и поутру, вместо лапотка, выпрашивает курочку, после — барашка, наконец — бычка и т. д.; выпрашивает „у попа сани, у дьякона оглобли, у мужика хомут“; запрягает и едет на бычке, припевая. По стройности припева, по простоте и стремительности развивающегося действия (завязки) и по скрытой морали в конце сказки (старушка осталась ни с чем: нажитое обманом не пошло

*) Овца.

**) Поросяенок.

в прок) сказка должна быть признана одной из очень древних традиционных сказок. Некоторые из ее вариантов отличаются чрезвычайно стройными и в то же время очень простыми и милыми припевами.

1-й вариант, зап. в Верхнепуйской вол., Вельского уезда.

Шню-шню бычѣк
Под горушку течѣт.
Сѣни поповы,
Оглѣбли дьяковы,
Хомут не свой—
Понужай не стой;
 Оглѣбли гнутце,
 Завѣрки рвутце,
 Хомут трешит,
 Дуга верещит...

2-й вариант, В Спасской вол., Тотемск. уезда.

Тпру-ста бычѣк
Под горушку —тычѣк
Шаляпушки печѣт.
Сѣльца малѣнько,
Оглѣбельки тонѣньки
и т. д.

3-й вариант. Записан в Минской вол., Тот. уезда, в дер. Подгорной.

Ну-т-ко, бычѣк,
Под горушку тычѣк.
Сѣньци-малѣньци,
Оглѣбельки тонѣньци,
Хомут не свой,
Понугай не стой...
и т. д.

Ход самого рассказа одинакового по мысли, так же, как и припевы, сильно варьирует: в одном случае старушка едет на бычке, в другом—на лошадке; в одном случае завертка лопает, в другом—вязок и т. д. Любопытно, что в одном варианте, на вопрос зайца: „куда, бабушка, поехала?“—старушка отвечает: „На Воугу избушку рубить!“ Видимо, некоторые варианты сказки могли проникнуть на Север из различных, более южных мест.

III. Теремок.

Имеются разные варианты: 1) Теремок вошки и блошки, 2) Теремок мушки, 3) Теремок мышки. Ход рассказа более или менее одинаков, но характеристики и эпитеты животных довольно различны и иногда чрезвычайно метки и красивы.

„Вошь-попоузуха“ и „блоха-посакауха“, найдя в поле „коневью“ голову, описывают ее, как терем, в таких выражениях: „Экой терем,

экой хороший! Окна холодны, лавки дородны!* Лисица рекомендуется так:

Я лисица
Масляна губица,
Дивья красовица,
Малинов цвет!

А медведь: „Ляпыш-тяпыш, всем пригнётыш“.

В другом теремке поселяются „Муха-шумиха да комар-пискун да паут-верескун“ и т. д.

Я не считаю возможным здесь приводить еще какие бы то ни было варианты сказок и выдержки из них. Полагаю, что и приведенных образцов достаточно для характеристики этих, во многих случаях по новому звучащих, старинных сказок на общеизвестные темы. Но и среди больших мало известных и мало распространенных сказок можно встретить весьма оригинальные и красивые варианты. О них мне придется дальше лишь вскользь сказать несколько слов. Теперь же мне хотелось бы остановиться на одном из самых важных вопросов в деле собирания народных сказок и определения состояния сказочного материала в последние годы: на вопросе о том, кто же является хранителями и передатчиками сказочной поэзии, и у кого следует записывать старинные, традиционные. так сказать, „настоящие“ и всякие другие сказки.

В тех характеристиках, какие можно встретить в литературе о более или менее современных сказочниках, можно найти подразделения сказочников на профессионалов и любителей. Мне думается, что такое подразделение нельзя считать удачным: по моему, нет в народе ни профессиональных певцов ни профессиональных сказочников (по крайней мере, я таковых не встречал), но есть мастера петь и мастера сказывать, одни удачнее, другие менее удачно. От них идет длинная градация вниз интересующихся сказкой, любящих ее и памятливых людей, которые в подходящих условиях не прочь рассказывать и нередко в том или другом кругу имеют в этом отношении успех. Есть общераспространенные семейные и детские сказки, на подобие тех, о которых уже упоминалось здесь, какие рассказывает почти каждая мать или отец, бабушка или дедушка своим детям и внукам. И эта категория рассказчиков должна быть учтена в первую очередь. Иногда именно у такого рода рассказчиков встречаешь варианты очень древних и редких сказок, легенды и т. под. Более смелые и талантливые (иногда более тщеславные или словоохотливые) из этой категории начинают собирать вокруг себя аудиторию и за своим семейным кругом, пользуясь иногда деревенскими вечерушками, супрядками и др. собраниями. Наконец, еще более одаренные ищут себе постоянной более или менее многолюдной аудитории, выступая и на мельницах, и на помочах, и на артельных работах, и т. под. Из этой категории многие по профессии своей постоянно встречаются с более или менее широким кругом людей, и сами любят рассказывать и с удовольствием слушают всякого удачного сказочника. Это очень часто бывалые люди, мастеровые, мельники и т. л. Очень

часто становятся весьма хорошими сказочниками посидевшие в тюрьмах, иногда и побывавшие в солдатах.

Надо поражаться памяти многих из них: не один сказочник уверял меня, что он любую сказку, услышавши раз, „поймет“ и не забудет всю жизнь. Прошлым летом одна семейная и нигде не бывавшая пожилая женщина, никогда не выступавшая в качестве общественной сказочницы, пересказала мне одну сказку и одну песню, которые она всего раз услышала в свое время от ее покойного отца и, „понявши“ сразу, уже не забудет до смерти.

Сказочников приходится различать не только по их мастерству рассказывать и талантливости, но еще и по характеру, вкусу и наклонностям и по моральному уровню. В зависимости от этого находится содержание сказочного материала: сказки одного отличаются по преимуществу серьезным характером, сказки другого — пропитаны юмором и комизмом, а третий под именем сказок рассказывает всякого рода веселые похождения с самыми нескромными анекдотами и отборными крепкими выражениями. И каждый находит слушателей по своему репертуару.

Вот здесь для собирателя народных сказок очень важно, не довольствуясь слухами и славой того или другого сказочника, лично убедиться, насколько он заслуживает того, чтобы выслушивать, а тем паче записывать от него его „сказки“. Мне порекомендовали в Делединской волости, Краснохолмского уезда, одного очень интересного сказочника, и когда я с ним познакомился, то оказалось, что он рассказывает исключительно пикантные повести, которые он выдает за истинные происшествия, уверяя, что это действительно все так и было. „Была одна жгучая брунетка“, начинает он одну свою повесть: „и влюбился в нее один господин средних лет, тоже брунет“... Когда я попросил его рассказать что-нибудь из волшебных или чудесных сказок или о богатырях, жар-птице и т. п., то он мне определенно и категорически сказал, что „такими пустяками“ он не занимается, что „этому верят бабы да суеверные люди, а я рассказываю лишь то, что было“. Тут не приходится говорить ни о какой сказочной традиции, и у прославленного „сказочника“ нет ни одной сказки. Это крайний случай. Но сплошь и рядом можно встретить „талантливых“ сказочников, репертуар которых состоит действительно из настоящих, иногда старинных сказок, но до такой степени переделанных и рассказываемых до такой степени свободным „бывальческим“ языком, представляющим смесь городского фабричного с деревенским, что в таком рассказе можно только находить отдельные эпизоды из традиционных сказок, нанизанные один на другой, часто ради того, чтобы удлинить только сказку, и совершенное отсутствие простоты, яркости и скромной красоты и меткости сказочного языка. Для примера приведу небольшую выдержку из сказки такого сказочника „О Вóроне Вóроновиче“: „Стоит двор, как терем, а изба, как город, а на веретенной пятке, а на куриной лапке. Приходит Василий, заходит в этот дом. Выходит бáрошни и великое ему подает подщенье...— А вот мне попить, поись, а потом лекчи на коечку...— Вот погоди, вам все будет готово“ и т. д. Здесь прежний сказочный язык и содержание обращены в сказочный конгломерат и без запинки передаются

словоохотливым, бывалым в разных местах мельником, в репертуаре которого, на ряду с такими сказочными переделками, имеются и такие, как „В городе Лондоне на реке Шоксне“. Я записал для образца у этого сказочника не одну сказку, но лишь только для того, чтобы видеть, что подобные „известные и интересные“ сказочники могут быть использованы когда угодно: это новый тип, недавно народившийся и, конечно, не без будущности. К счастью, из категории „известных“ сказочников можно еще встретить и таких, которые любят старинную традиционную сказку и передают ее истово, не переделывая и не коверкая. Еще в прошлом году мне удалось в Кокшеньге, Тотемского уезда, встретить не одного такого сказочника и записать от них не мало весьма хорошо переданных сказок, веющих иногда отдаленной былинной стариной. Некоторые из этих сказочников обладают довольно большим репертуаром и остается лишь пожалеть, что недостаток времени не позволил мне записать полностью все, что эти сказочники знают. У некоторых из них репертуар достигает нескольких десятков сказок, среди которых не мало таких, которые не уместятся и в печатный лист. Один из них, Анаст. Степ. Шатков, „берется на нидию вперед рассказывать“. В его репертуар, между прочим, входят: „Иван Волоф“, „Про Елену прекрасную“, „Царевна-Лягушка“, „Горев“, „Иван-Царевич“, „Садко купец, богатый гость“, „Еруслан Лазаревич“, „Франциль Винциан“, „Про шуку-белугу“, „Кобылица-златорица“, „Омеля-дурачек“ и целый ряд других, при чем на ряду с длинными героического содержания сказками имеются бытовые, сатирические и юмористические („Мизгирь“ и т. под.). У другого сказочника, Савватия Яковлевича Накозина, герои говорят старинным былинного характера слогом, вроде того, что головы 3-х-главого змея галдят, кричат, поют—которая что: „Одна поет, другая на Русь хвалится“ и т. д. (См. его сказку „Иван-Кошкин сын“). Из большого весьма разнообразного и интересного запаса сказок Ст. Ф. Вячеславова, 63 лет, удалось записать больше десяти сказок, в числе которых имеются: „Три грошика“, „Волшебный перстень“, „Рога“ и проч. Многих сказочников с такими и подобными характеристиками, как „неистощимый“, „у него полный мешок сказок“ и т. п., не пришлось видеть вовсе.

Все эти „известные“ более или менее талантливые и плодотворные сказочники различаются не только по содержанию рассказываемых ими сказок, но и по манере рассказывать и по своему отношению к сказочному слову. Один из них считает себя не вправе изменить ни одного слова, ни одного выражения, для него и из сказки, как и из песни, „слова не выкинешь“. „Так сказывалось“, „так я слышал“, говорят они в тех случаях, когда встретятся мало-понятные и сомнительные места. Некоторые из них передают сказку, читая ее как по книге, для чего берут в руки лист бумаги, тетрадь или книгу, нередко вверх ногами, и смотря в них „читают“ сказку. Другие любят более свободную передачу, приводя в пояснение примеры из окружающей среды и частенько ставя на месте героя или себя или кого-либо из слушателей, иногда и посторонних. Сказка часто выигрывает в живости, но при неумеренности и излишнем увлечении в эту сторону начинает терять свой первоначальный облик и почти всегда

становится хуже оригинала. Этот выгодный и иногда, быть может, желательный прием рассказывания, нередко становится причиной неудачных переделок и порчи традиционных народных сказок.

Я позволю себе коснуться еще одного вопроса, имеющего некоторую важность для собирателей сказок. Принято думать, что надо записывать сказки, как лучшие и наиболее старинные, непременно у стариков и по возможности неграмотных. Мои наблюдения показали, что это далеко не всегда основательно. Я знал одного неграмотного старика, большого любителя рассказывать; это была настоящая говорильная машина: он минуты не мог просидеть молча, если не слушал кого-либо другого, черпая от него новый материал для своих рассказов. И вот этот „Пашкó-Ляпкó“, как его называли соседи, больше всего любил рассказывать читанные ему по книге всякого рода повести, истории, жития и проч. С другой стороны, хорошо грамотные люди иногда рассказывают исключительно те сказки, которые они слышали от стариков. Возраст тоже имеет весьма относительное значение, но лучше всего рассказывают пожилые, еще крепкие и здоровые люди; дряхлые старики рассказывают почти всегда плоше. Недурно передают сказки подростки и молодые люди, в возрасте от 15 до 25 лет, и даже многие дети, особенно „по свежей памяти“ и допустное их возрасту.

Я должен кончать: моя заметка разрослась и без того. Многое другое, чем мог бы я поделиться из своих наблюдений при собирании сказок, придется отложить до другого раза.

В заключение, мне кажется, следует сказать (что видно и из предшествующего изложения), что сказка в народе живет, как живет интерес к ней, потребность и спрос на нее; что местами можно еще собрать прекрасные образцы сказок; так же точно существует еще немалое количество заправских талантливых и плодовитых сказочников. Но все же мы видим, что наряду с бережным и любовным обращением со сказкой в среде даже выдающихся сказочников существует к ней и самое бесцеремонное отношение, кончающееся переделкой и извращением старинной народной сказки. И число сказочников первой категории относительно становится все меньше, а второй больше. О лучших сказочниках часто сохранились лишь предания: они сошли уже в могилу. Так обстоит дело в местах, где можно сказать, что сказка живет; но есть и такие места в нашей стране (на Руси), где уже сказок не рассказывают, где они или вовсе умерли или совершенно не в ходу. Можно думать по аналогии, что такая судьба может постичь и те счастливые местности, где сказка бытует еще, можно сказать, повсю. Отсюда необходимо сделать тот вывод, что все, кому дорога старинная народная сказка, в особенности же люди науки, должны напречь все свои усилия на то, чтобы не теряя времени, собрать и сохранить те драгоценные жемчужины народного творчества, какие в настоящую пору то там, то сям еще в народе имеются.

Конечно, сказка в народе, вообще говоря, никогда, быть может, не умрет, но в каком виде будет она жить, какие формы примет—

нам только приходится об этом гадать; несомненно, что, как отчасти это видно и из предыдущего, формы эти будут другие, и сказка будет далеко не та, что была, поэтому и цена ее и значение тоже будут другие.

М. Б. Едемский.

11-ХІІ 1925 г.
